

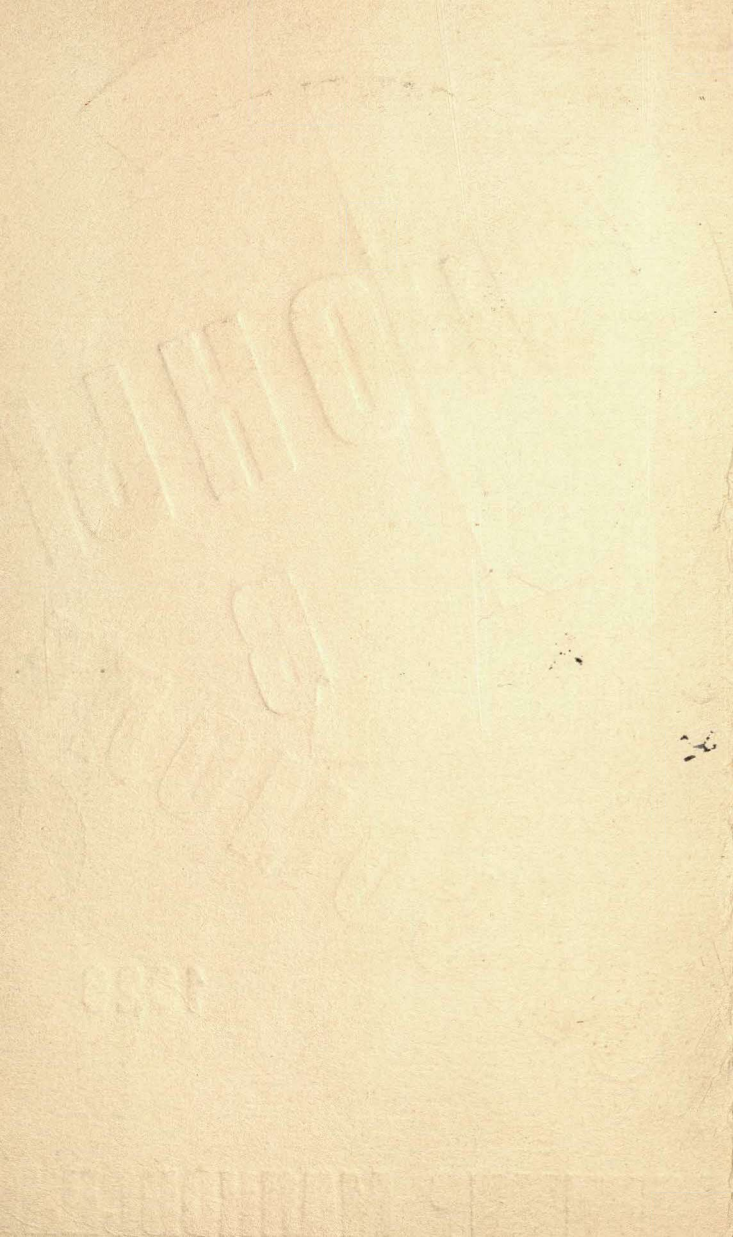

ЛОНЬ
В
НОМСОМОЛЕ

291.

1929

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

БЕЛЫХ

И ЗЕЛЕННЫХ

СЛОНЫ В КОМСОМОЛЕ

К/70991

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ВЛАДИМИРЬ МИХОВСКИЙ

СЛОНЫ

В ПОСМОТРЕ

ОТ ПЕЧАТАНО
в тип. Нижполиграф,
Нижний-Новгород,
Варварка, 32, в колич.
3000 экз.

Главлит № А/22656.
Заказ № 9496.

1951

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Б Е Й

Б Е Л Ы Х

И З Е Л Е Н Ы Х

Жизнь — фонтан.

Открывайте и пейте-ка!

Забульбулькало в горлышке узком.

Обнимай

бутылки,

поэтика!

Вторьте

пробкам,

театр и музыка!

Заучена

песня

раньше азов, —

поют

кутежами балованы,

как Аристотель,

мудрец-философ,

пропил

свои

панталоны.

Душу
 пуншем
 и шуткой греючи,

над омаром
 с фарфоровых блюд,

ты спроси
 Александр Сергеича:

— Что вы любите? —

«Я?

Люблю

и блеск, и шум, и говор балов,

и в час пирушки холостой

шипенье пенистых бокалов

и пунша пламень голубой».

Прекрасной

дамы

тень сквозная

мелькнет

в бутылочной длине, —

а пьяный

Блок

бубнит:

«Я знаю,

я знаю — истина в вине».

Пенится

бокал золоторунный...

Петербурговы буруны

черных

роз

намели пучки...

«И тотчас же в ответ что-то грянули

струны,

исступленно запели смычки».

А Северянин

в эти

разливы струя

и флейтин

влез

прейскурантом вин:

«Как хорошо в буфете

пить крем дэ-мандарин».

Сдавались

флейты

пастушеским дудкам;

Колочками рифм,

как репей,

Сергей Есенин

пристал к проституткам:

«Пей, выдра, пей!»

Куда пойдешь?

И годы назад
Маяковский
мечтал и мяк,
сидел
в пролетающих ночах,
«глаза
уткнув
в желтоглазый коньяк».
А «Травиаты»
из театров,
из маленьких и больших,
расканаревались
по воздушной волне...
Пей
и подпевай,
безголос и фальшив:
«Налейте, налейте бокалы полней!»
Пока
заморские
шипучие тринкены
лакали
дворяне,
тянул
народ,
забитый и закриканный,
бочки
разной дряни.

Попы поощряли:

«Терпите, братие,
пейте,
причащайтесь, как велит вседержи-
тель».

На Руси

веселие пити,
не можно
без водки
жити».

И под скрип телег,

и под луч луны
пили
и зиму и лето...

Аж выводились

под Москвою
белые слоны
и змеи —
зеленого цвета.

3

Не нам

о богатых
песней казнить.
— Пейте,
господа!

Услужливо
греет
разная Ницца
наследство
ваших подагр.

Мы там,
где небо
взамен потолка,
с тобою
нищ и голь.

Тебе
времена
в коммуно толкать, —
но встанет четверть —
и вся недолга,
и топит
борьбу
алкоголь.

4

Мылом — цифрами
смойте с водки
поэтический
грим
красотки.

8

Копытом
по книге
ступай вино,
четверкой
своей
свиной.

5

В рабочий подвал,
вонючий
и нищий,
прохрюкало
пьяное
рыло свиницы:
«Не сетуй
на жизнь,
подвалом задушенную, —
построит
водка
жилплощадь воздушную.
Зачем
бороться тебе
из-за платы,
сивуха
разделает
в бархат заплаты.

Чего подыматься,
расправой грозя им,—
напьешься
и станешь
банкир и хозяин».
И вместо того,
чтоб к винтовке и бомбе,—
к бутылке
тянули
руки обе.
Панель
метет
бороденка-веник.
Вино—
творец черепах.
И вдруг
черепаха
встает с четверенек,
бутылкой
громит
черепà.
Рвет Ниагарой, —
слюнявый
матовый.
И режет
визг

тишину:

На пятерню

волосенки наматывая,

муж

ликбезит жену.

6

Посмотрите только —

дети алкоголика.

Будет

папа

крыть и рвать.

Прячась

за шкапы,

лезь под кровать.

Фонарей сияние.

Телом — клопики,

рты —

обезьяны,

узкие лобики.

Олька

да Колька,

дети алкоголика.

11

Разлежся...
    распластан рвотною лужею...
Ноздря —
    носорога сдует.
Теперь,
    какое он к чорту оружие, —
лежит
    разряжён в холостую.
Пожаром губ
    ища глоток,
храпит
    на весь куток.
А с неба
    убран
    звезд лоток:
— Вставай,
    пора, —
    гудок!
Выспись,
    вытрезвись,
    повремени.
Но ждет
    завод,
    раздымься.

Как в мясорубку,
тащит
в ремни
кило
проспиртованных мяс.
А песня
хрипит,
под гармонь сложена:
«Пей,
пропивай,
что прошьем, наживем».
Завод
и деньга,
пиджак
и жена, —
словом —
жизнь
пропита живьем.
Заглохший
завод
обступило репье,
загнали
в бутыл
казну и тряпье,
потоплено
донцем низом...

А што,
товарищ,
если
прошьем,
как брюки,
и коммунизм?

8

Всосалась
в горлышко узкое
братва
Орехово-зுவевская.
Нехватает
ни платья,
ни корма,
но пьянее
дыма —
Сормово.
От пионеров
до старцев
пьет,
выпивает Ярцево.
Царит бутылъ
и орет уже: —
гоните

жратву и жертвы, —
четырежды кроет
    пьяный бюджет
нищие
    наши
    бюджеты.
Когда,
    грамотеев
    по школам творя,
надсаживаем
    буквой
    глотки,
встают
    из-за каждого букваря
четыре бутылки водки.
Когда
    четвертной
    на починку мостов
не выудишь
    из кошелька,
любой
    с удовольствием
    тратит сто,
чтоб, ноги ломая,
    валялся пластом
у двери

пивной
и шинка.

9

Пьяному
водка
всего превыше.

«Поэма?

Какая такая?

Как же не пимши, —
мы привыкши».

И стих

отбросил, икая.

Но ты —

комсомолец,
и волю твою

не смяла

болезнь горька.

Здоровье на знамя!

За юность воюй!

Петлей

врага
зааркань.

Чтоб коммунизм
         не пропѣли мы,
 победу
         пьянкой развея,
 серой
         змеею фильмы
 задушим
         зеленого змея.
 Разыщем
         животных, —
         и двинем на них!

И после

        атак
         и засад
 загоним
         белых
         слонов и слоних
 в решетчатый
         зоосад.

K170291

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ

«Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, подделываясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб».

(«Комс. Правда»)

«В Ленинграде девушка-работница отравилась, потому что у нее не было лакированных туфель, точно таких же, какие носила ее подруга Таня»...

(«Комс. Правда»)

1

Из тучки месяц вылез
молоденький такой...
Маруся отравилась,
везут в прием-покой.
Понравился Маруське
один
    с недавних пор;
нафабранные усики,
расчесанный пробор.
Он был
    монтером Ваней,
но...

в духе парижан,
себе
присвоил званье:
«электротехник Жан».
Он говорил ей часто
одну и ту же речь:
«Ужасное мещанство
невинность зря беречь».
Сошлись и погуляли,
и хмурит
Жан
лицо,
нашел он,
что
у Ляли
красивше бельецо.
Марусе разнесчастной
сказал, как джентельмен:
«Ужасное мещанство —
семейный
этот
плен».
Он с ней
расстался
ровно
через пятнадцать дней,

за то,
    что лакированных
нет туфельек у ней.
На туфли
    денег надо,
а денег
    нет и так...
Себе
    Маруся
    яду
купила
    на пятак.
Короткой
    жизни
    точка.
Смер-тель-ный
    яд
    испит.
В малиновом платочке
в гробу
    Маруся
    спит.
Развылся ветер гадкий.
На вечер,
    ветру в лад,
в ячейке

об упадке
поставили
доклад.

2

В сердце,
без лесенки,
лезут
эти песенки.

Где родина
этих
бездарных романсов?

Там,
где белые
лаются моською?

Нет.
Эту песню
родила масса —

наша
комсомольская.

Легко
врага
продырявить наганом.

Или —
голову с плеч,

и саблю вытри.
А как
сейчас
нащупать врага нам?
Таится.
Хитрый!
Во что б ни обулись,
что б ни надели,
обноски
буржуев
у нас на теле.
И нет
тебе
пути-прямика.
Нашей
культуришке
без году неделя,
а ихней —
века.
И растут
черные
дурни
и дуры,
ничем не защищенные
от баракла культуры.
На улицу вышел —

глаза разопрят!
В каждой витрине
буржуев обноски:
какая-нибудь
шляпа
с пером респри
и туфли
показывают
лакированные носики.
Простенькую
блузу нам
и надеть конфузно.
На улицах,
под руководством
Гарри Пилей,
расставило
сети
Совкино.
От нашей
сегодняшней
трудной были
уносит
к жизни к иной.
Там
ни единого
ни Ваньки,

ни Пети,
Одни
Жанны,
одни
Кэти.
Толча комплименты,
как воду в ступке,
люди
совершают
благородные поступки.
Всё
бароны,
графы — всё,
живут
по разным
роскошным городам,
ограбят
и скажут:
«мерси, мусьё»,
изнасилуют
и скажут:
«пардон, мадам».
На ленте
каждая —
графиня минимум.
Перо в шляпу,

да серьги в уши.
Куда же
сравняться
с такими графинями
заводской
Феклуше да Марфуше!
И мальчики
пачками
стреляют за непачками.
Нравятся
мальчикам
в маникюре пальчики.
Играют
этим пальчиком
непачки
на рояльчике.
А сунешься в клуб —
речь рвотная.
Чешут
языками
чиновноустые.
Раз международное,
два международное,
но нельзя же до бесчувствия.
Напротив клуба
дверь пивнушки:

Веселье,
    грохот,
    как будто пушки!
Входите, товарищи,
    зайдите, подружечки,
выпейте,
    пожалуйста,
    по пенной кружечке!

3

Крюю
    пиво пенное;
только что вам
    с этого?
Что даю взамен я?
Что вам посоветовать?
Хорошо
    и целоваться,
    и вино.
Но...
    Вино и книга.
    И если
    ее
хоть раз
    по-настоящему

испили рты,
ее
не заменит
никакое питье,
никакие пива,
никакие спирты.

Помни
ежедневно,
что ты
зодчий
и новых отношений
и новых любовей,
И станет
ерундовым
любовный эпизодчик
какой-нибудь Любы
к любому Вове.

Можно и кепки,
можно и шляпы,
можно
и перчатки надеть на лапы.

Но нет
на свете
прекрасней одёжи,
чем бронза мускулов
и свежесть кожи.

И если
подыметесь
чисты и стройны,
любую
одежу
заказывайте **Москвошвею**,
и...
лучшие
девушки
нашей страны
сами
бросятся
вам на шею.

КТО ОН?

Кто мчится,
кто скачет
такой молодой,
противник мыла
и в контрах с водой?
Как будто
окорока ветчины,
небритые щеки
от грязи черны.
Разит —
и грязнее черных ворот
зубною щеткой
нетронутый рот.
Сродни
шевелюра
помойной яме,
бумажки
и стружки
промеж волосьями;
а в складках блузы
безвременный гроб
нашел
энергично раздавленный клоп.
Трехлетнего пота

журчащий родник
проклеил
    и выгязнил
    весь воротник.
Кто мчится,
    кто скачет
    и брюки ловит,
держациесе
    на честном слове?
Сбежав
    от повинностей
    скушных и тяжких,
за скакуном
    хвостятся подтяжки.
Кто мчится,
    кто скачет
    резво и яро
по мостовой
    в обход тротуара?
Кто мчит
    без разбора
    сквозь слякоть и грязь,
дымя по дороге,
    кура
    и плюясь?
Кто мчится,

кто скачет
виденьем крылатым,

трамбуя
встречных
увесистым матом?

Кто мчится
и едет,
и гонит,
и скачет?

Ответ —
апельсина
яснее и кратче,

ответ
положу
как на блюде я:

то мчится
наш товарищ докладчик
на диспут:
«Культурная революция».

ФАБРИКА МЕРТВЫХ ДУШ

Дело важное творя,
блещет

ум секретаря.

«Ко мне,
товарищи друзья!

Пошлю,
работой нагрузя.

Ванька здесь,
а Манька —
там!»

Вся ячейка по местам.

Чисто,
тихо,

скоро,

мило...

Аж нагрузок нехватило!!!

От удовольствия горя,
блестят

глаза

секретаря.

В бюро

провел

докладов ряд.

Райком

надул при случае.

«Моя

ячейка —

лучшая».

Райком с бюро

и горд,

и рад —

Одно благополучие!

Иван Петров,

ушами хвор,

мычанье

путал с музыкой,

а на него

фабричный хор

навьючили нагрузкой.

По сердцу

Маше

«Друг детей»,

ей —

детям

петь о гусельках,

а по нагрузке

вышло

ей —

бороться

против сусликов.

Попов —

силач.

Испустит чих —

держусь на месте еле я.

(Ведет

нагрузку

у ткачих

по части рукоделия).

Ося Фип —

глиста наружно,

тощи

мускулов начатки.

Что

на тощего

нагружено?

Он —

инструктор спортплощадки.

Груза

много

на верблюде

по пустыням.

возят люди.

И животное блюда,

зря

не мучат верблюдыя.

Не заставите

верблюда
подавать
в нарпите
блюда.

Что во вред
горбам верблюдым,
то
и мы
таскать не будем.

И народ,
как верблюды,
разбежался,
кто куды.

Заплативши
членский взнос,
не показывают
нос.

Где же
«мертвые души»
околачивают груши?
Колбасина чайная,
водка
и арии,
парень
отчаянно
играет на гитаре.

От водки
    льет
        четыре пота,
а пенье
    катится само:
«Про-о-ща-а-й,
        активная работа,
про-оща-ай,
любимый комсомо-о-л!»

НАГРУЗКА ПО МАКУШКУ

Комсомолец

Петр Кукушкин

прет

в работе

на рожон, —

он от пяток

до макушки

в сто нагрузок нагружон.

Пообедав,

бодрой рысью

Петя

мчит

на культкомиссию.

После

Петю видели

у радиолюбителей.

Не прошел

мимо

и Осоавиахима.

С химии

в один прыжок

прыгнул

в шахматный кружок.

Играть с Кукушкиным —

нельзя,
он
путал
пешку и ферзя.
(Малюсенький затор!)
Но... Петя
знал,
врагов разя,
теорию зато.
Этот Петя
может
вскачь
критикнуть
всемирный матч.
«Я считаю
оба плохи —
Капабланка и Алехин, —
оба два,
в игре юля,
охраняли короля.
Виден
в ходе
в этом вот
немарксистский подход.
Я
и часа не помешкаю —

мнархизмы
ежьте пешкою!»
Заседания
и речи, —
ходит утро,
ходит вечер,
от трудов
едва дыша,
и торчит
в кармане френча
тридцать три карандаша.
Просидел
собраний двести.
Дни летят,
недели тают...
Аж мозоль
натер
на месте,
на котором заседают.
Мозг мутится,
пухнет парень,
тело
меньше головы,
беготней своей упорен,
сам себя
считает парень

разужасно деловым.

Расписал

себя

на год, —

хоть вводи

в работу Нот!

Где вы, Гастев с Керженцевым?!

С большинством —

проголоснет,

с большинством —

воздержится.

Год прошел.

Отчет не долог.

Обратились к Пете:

«Где ж

работы

смысл и толк

от нагрузок этих?»

Глаз

в презренье

щурит Петь,

всех окинул

глазом узким:

«Где ж

работать мне поспеть

при такой нагрузке?»

ГИМНАЗИСТ ИЛИ СТРОИТЕЛЬ

Были
у папочки
дети
гимназистики.

На фуражке — шапочке —
серебряные листики.

В гимназию —
рысью.

Голова —
турнепсом.

Грузит
белобрысую —

латыню,
эпосом.

Вбивают
грамматику

в голову — дуру,
мате-ма-тику

и
литературу:

«Пифагоровы штаны

на все стороны равны...

Алексей,
Гордей,
Сергей,
Глеб,
Матвей
да Еремей...»
Зубрят
Иловайских,
приклеив к носу,
про Барбаросов
и
про Каноссу.
От новых
переносятся
к старым векам.
Перелистывают
справа налево:
дескать,
был
мусью Адам
и была
мадам Ева.
В ухо —
как вода,
из уха —
как водица,

то,
    что никогда
и никому не пригодится.
В башку
    втемяшивают,
годы тратя:
«Не лепо ли
    баше,
братие...»
Бублики-нули.
    Единицы леса...
А сын
    твердит,
    дрожа осиною:
«Пой,
    о богиня,
    про гнев
    Ахиллеса,
Пелеева сына».
Зубрит —
    восемь лет! —
    чтобы ему дорасти
до зрелости
и
    до премудрости.
Получит

гимназистик
аттестат-листик.
От радости
светится,
напьется, как медведица.
Листик
взяв,
положит
в шкаф,
и лежит
в целости
аттестат зрелости.
И сказки
про ангелов,
которых нет,
и все,
что задавали —
— до и от, —
и все,
что зубрили
восемь лет, —
старательно
забывают
в один год.
А если
и пишет

ученый и прыткий, —
то к тете,
и только
поздравительные открытки.
Бывшие гимназисты —
в дороге,
в избранной;
кому
понадобился
вздор развызубренный?!

Наши
не сопели
ни по каким гимназиям,
учились
ощушью,
по жизни лазая,
в силу
единственной науки,
той,
что облегчает
человечьи руки.
Дисциплина машин,
электричество,
пар —

учат

не хуже

учебников и парт.

Комса

на фабрике

«Красная Нить»

решила

по-новому

нитки вить.

Ночами

она

сидит над вопросом:

Как лучше

укладывать

нитки по гроссам?

Что сделать,

чтоб ящики

с ниткой этой

текли

по станку

непрерывной лентой?

На что

по селам

спрос настоящий —

большой продавать
или маленький ящик?
С трудом
полководя
чисел оравую,
считают
и чертят
рукой корявою.
Зубами
стараятся
в гранит вгрызаться,
в самую
в «раци-
она-лизацію».
И вот,
в результате
грызенья гранита —
работы меньше
и
больше ниток.
Аж сам
на комсомолию эту
серебряным
глазом,
моргая сквозь смету,
глядит

пораженный
рубль сбереженный.
Остались
от старого
ножки да рожки,
но и сейчас
встречается дядя
такой,
который
в глупой зубрежке
науки
без толку
долбит, как дятел.
Книга — книгой,
а мозгами
двигаЙ.
Отжившие
навыки
выгони, выстегав.
Старье —
отвяжись!
Долой
советских гимназистиков!
Больше —
строящих
живую жизнь!

«ТЕЛЕВОКСЫ»

Что такое?

Инженером Уэнслеем построен человек-автомат, названный «Телевокс»! В одном из отелей Нью-Йорка состоялся на днях бал, на котором прислуживали исключительно автоматы.

(Из газет)

С новым бытом!

Ну и фокусы:

по нью-йоркским нарпитам

орудуют —

«Телевоксы»,

Должен сознаться,

ошарашен весь я:

что это за нация?

или

что за профессия?

Янки увлекся.

Ну и мошенники.

«Те-ле-воксы»

Не люди,

а машинки.

Ни губ,

ни глаз

и ни малейших

признаков личных

у железных леших.
Одно

ухо
огромной величины.

В это
ухо

что хочешь бухай.

Каждый

может

наговориться досыта;

зря

ученьем

себя не тираньте.

Очень просто

из'ясняться

на их эсперанте.

«До

ре

ми», —

это значит —

посудой греми.

«Икру.

Каравай.

Крой. Накрывай».

Машина подходит

на паре ножек,

выкладывает вилку,

ложку и ножик.

Чисто с машиной.

Это не люди.

На ложку

для блеску

плевать не будет.

«Фа

соль

ля

соль

ля

си»

то - есть —

аппетиту для

гони рюмашку

и щи неси.

Кончил.

Благодарствую.

«Си

до»

Вытираю нос,

обмасленный от с'едания.

«Си-до», —

это значит — до-

свидания.

«Телевокс» подает перчатки —
«Прощай».

Прямо в ухо,
природа́м на́ зло,

кладу

ему

пяточок на чай, —

простите —

на смазочное масло.

Обезглавлен бог сам

Этим «Телевоксом».

Брось

«Творец»

свои чины;

люди

здесь сочинены:

в ноздри

вставив

штепселя,

ходят,

сердце веселя.

Экономия.

Нот.

Лафа с автоматом, —

ни толкнет,

ни обложит матом.

«Телевокс»
развосторжил меня.
С детства
к этой идее влекся.
О, скольких
можно
упразднить,
заменя
добросовестным «телевоксом»!
Взять например
бокс,
рожа
фонарями зацвела.
Пускай
Телевокса
дубасит «Телевокс», —
и зрелище, —
и морда цела.
Слушатели спят.
Свернулись калачиком.
Доклады
годы
одинаково льются.
Пусть бы
«Телевокс»
таким докладчиком

и про аборт
и о культурной революции.
Поставь «Телевокса»,
и, честное слово,
исчезнет
бюрократическая язва.
«Телевоксы»
будут
и согласовывать
и, если надо,
увязывать.
И
совершенно достаточно
одного «Телевокса» поджарого,
и мир
обеспечен
лирикой паточной
под Молчанова
и
под Жарова.
«Телевокс» всемогущий!
Скажите,
им
Кто незаменим?
Марш, внешторговцы,
в Нью-Йорк — Сити!

От радости

прыгай

сердце — фокс.

Везите,

везите,

везите

изумительный «Телевокс»!

С Л У Ж А К А

Появились
    молодые
превоспитанные люди.
Мопров
    знаки золотые
им
    увенчивают груди.
Парт-комар
    из МКК'а
не подточит
    парню
    носа,
к сроку
    вписана
    строка
проф.
    и парт.
    и прочих взносов.
Честен он,
    как честен вол.
В место
    собственное
    вросся
и не видит

ничего
дальше
собственного носа.
Коммунизм
по книге сдав,
перевызубривши измы,
он
покончил навсегда
с мыслями
о коммунизме.

Что заглядывать далече?!

Циркуляр
сиди.
Нам, мол,
с вами
думать неча,
если
думают вожди.

Мелких дельцев
пару шор
он
надел
на глаза оба,
чтоб служилось
хорошо,
безмятежно,

узколобо.
День — этап
растрат и лести,
день,
когда
простор подлизам,
это
для него
и есть
самый
рассоциализм.
До коммуны
перегон
не покрыть
на этой кляче,
как нарочно
создан
он
для чиновничьих делячеств.
Блещут
знаки золотые,
гордо
выпячены
груди,
ходят
тихо

молодые
приспособленные люди.
О коряги
якорятся
там,
где тихая вода...
А на стенке
декорацией
Карлы Марлы-борода.
Мы томимся неизвестностью,
что нам делать
с ихней честностью?
Комсомолец, —
живя
в твои лета,
октябрьским
озоном
дыша,
помни,
что каждый день —
этап,
к цели
намеченной
шаг.
Не наши,
которые —

времени в зад
уперли
    лбов
        медь,
быть коммунистом,
        это значит дерзать,
думать,
        хотеть,
        сметь.
У нас
        еще
            не Эдем и рай,
мещанская
        тина с цвелью, --
работая,
        мелочи соразмеряй
огромной
        поставленной целью.

БУРЖУЙ-НУВО

Распознать буржуя
просто
(знаем
ихнюю орду!):
толстый,
низенького роста
и с сигарою во рту.
Даже
самый молодой —
зуб вставляет
золотой.
Чудно стрижен,
гладко брит...
Омерзительнейший вид.
А из лысинных целин
подымается —
цилиндр.
Их,
таких,
за днями дни —
раздраконивал
Дени.
А буржуй —
завел бородку

(зря соваться —
нет причин),
влез,
как все,
в косоворотку
и почти
не отличим.
Вид
под спеца,
худ с лица —
не узнаешь подлеца.
Он вшой
копошится
на вашем теле,
никак
не лезет
в тузы, —
гнездится
под вывеской
разных артелей,
дутых,
как мыльный пузырь.
Зал
парадных
не любит он,
по задворкам

ищите хвата.
Где-то он
закупает лён,
где-то
хлеб
перехватывает.
Он лавку
украшит
сотнею ваз...
Куда
государственным органам!
В такую
любезность
обсахарит вас,
что вы
прослезитесь растроганно.
Не сам
штурмует —
тих да хитер, —
сначала
движется
парламентер:
он шлет
в канцелярский замок
своих
расфуфыренных самок.

Бывает, .
раскиснет партиец иной:
— И мне бы
влюбиться
в звезду из кино, —
мечтает,
ничем не замаран...

А частник
встает
за его спиной,
как демон
сзади Тамары.

«Не угодно ли взаймы?
Что вы?
Ах!
Сочтемся мы!..»

И идет
заказ
на сии дрова
в артель
гражданина Сидорова.
Больше,
Сидоров,
подноси
даров!
И буржуй,

от чувства великого,
из уральского камня,
с ласкою,
им
чернильницу с бюстом Рыкова
преподнес
в годовщину февральскую.
Он купил
у дворника брюки
(прозодежда
для фининспектора), —
а в театре
сияют руки
всей игрой
бриллиантного спектра.
У него
обеспечены рублики —
всем достояньем республики.
Миллионом набит карман его,
а не прежним,
советским «лимоном».
Он мечтает
узреть Романова...
не второго —
а Пантелеймона.
На ложу

В окно
театральных касс
тыкая
ногтем лаковым,
он
дает
социальный заказ
на «Дни Турбиных» —
Булгаковым.
Хотя
буржуй
и лицо перекрасил,
и пузо не выглядит грузно,
он волк,
он враг
рабочего класса,
он должен быть
понят
и узнан.
Там,
где речь
о личной выгоде,
у него
глаза на выкате.
Там,
где можно пролезть

для своих нажив,
там
его

глаза — ножи.

Не тешься,
товарищ,
мирными днями.

Сдавай
добродушие
в брак.

Товарищи,
помните:
между нами

орудует
классовый враг.

РАСКАЗ

литейщика Ивана Козырева о вселении
в новую квартиру.

Я пролетарий.

Об'ясняться лишне.

Жил,

как мать произвела, родив.

И вот мне

квартиру

дает жилищный

мой

рабочий

кооператив.

Во — ширина,

высота

— во!

Проветрена,

освещена

и согрета.

Все хорошо,

но больше всего

мне

понравилось —

это!

Это —

белее лунного света,
удобней,
чем земля обетованная,
это —
да что говорить об этом, —
это —
ванная.

Вода в кране
холодная крайне.

Кран
другой —

не тронешь рукой.
Можешь

холодной
мыть хохол,

горячей —
пот пор.

На кране
одном

написано:
«хол.»,

на кране другом —
«гор.»,

Придешь усталый,
вешаться хочется.

Ни щи не радуют,

ни чая клокотание.
А чайкой поплещешься —
и мертвый расхохочется
от этого
плещущего щекотания.
Как будто
пришел
к социализму в гости, —
от удовольствия —
захватывает дух.
Брюки на крюк,
блузу на гвоздик,
мыло в руку
и...
бултых!
Сядешь
и моешься
долго, долго.
Словом,
сидишь,
пока охота.
Просто
в комнате
лето и Волга, —
только-что нету
рыб и пароходов.

Хоть грязь
на тебе
десятилетнего стажа,
с тебя
корою с дерева,
чуть не лыком,
сходит сажа, —
смывается, стерва.
И уж распаришься,
разжаришься уж!
Тут —
вертай ручки:
и каплет
прохладный
дождик-душ
из дырчатой
железной тучки.
Ну ж и ласковость в этом душе!
Тебя
никакой
не возьмет упадок:
Погладит волосы,
потреплет уши
и течет,
по жолобу,
промежду лопаток.

Воду
стираешь
с мокрого тельца
полотенцем,
как зверь, мохнатым.
Чтобы суше пяткам,
пол
стелется,
извиняюсь за выражение,
пробковым матом.
Себя разглядевши
в зеркало вправленное,
в рубаху
в чистую —
влазь.
Влажу и думаю:
— очень правильная
эта
наша
советская власть.

«Ж И Д»

Чорт вас возьми,
черносотенная слизь.

Вы
схоронились
от пуль,
от зимы

и расхамились,
только спаслись.

Чорт вас возьми,
тех,
кто

за коммунизм
на бумаге
ляжет костями,

а дома
добрее
довоенным скотом.

Чорт вас возьми,
тех,
которые —

коммунисты
лишь
до трех с восьми,

а потом

коммунизм
запирают с конторою.
Чорт вас возьми,
вас,
тех,
кто, видя
безобразие
обоими глазами,
пишет
о прелестях
лирических утех.
Если стих
не попевает
за былью плестись —
сырыми
фразами,
бей, публицист!
Сегодня
шкафом
на сердце лежит
тяжелое слово —
«жид». —
Это слово
над селами
вороном машет.
По трактирам

забилось
водке в графин.
Это слово
пароль
для попов,
для монашек
из недодавленных графинь.
Это слово
шипело
над вузовцем Райхилем,
царских
дней
подымая пыльцу,
Когда
«христиане»-вузовцы
ахали
грязной галошей
«жида»
по лицу.
Это слово
слесарню
набило до верха
в день,
когда,
деловито и чинно,
чуть не на-смерть

«жиденка» Бейраха
загоняла
        пьяная мастеровщина.
Поэт
        в пивной
        кого-то «жидом»
честит
        под бутылочный звон
за то, что
        ругала
        бездарный том
фамилия
        с окончанием
        «зон».
Это слово
        слюнявит
        коммунист недочищенный
губами,
        будто скользкие
        миски,
разгоняя
        тучи
        начальственной
        тосчищи
последним
        еврейским

анекдотом подхалимским.

И начнет

громить

христианская паства,

только

лозунг

подходящий выставь,

жидов победнее

да каждого очкастого,

а потом

под ряд

всех «сицилистов».

Шопотком в очередях:

«топчись и жди,

расстрелян

русский витязь-то...

везде...

жиды...

одни жиды...

спекулянты,

советчики,

правительство».

Выдернем

за шиворот —

одного

наршивого.

Рапортуй
громогласно,
где он
«валютчик»?!

Как бы ни были
они
ловки,—
за плотную
ограду
штыков колючих
без различия
наций
посланы в Соловки.

Еврея не видел?
В Крым!
К нему!

Камни обшарпай ногами!
Трудом упорным
еврей
в Крыму
возделывает
почву — камень.

Ты знаешь,
язык
у тебя
чей?

Кто мысли
твоей
причина?

Встает
из-за твоих речей
фабрикантова личина.

Буржуй
бежал,
подгибая рессоры,

сел
на английской мели,
в его интересах

расперессорить
народы
Советской земли.

Это классов борьба,
но злее
и тоньше,

говоря короче,
сколько
побито

бедняков «соломонишек».
И ни один
Соломон Ротшильд.

На этих Ротшильдов,
от жира освиневших,

на богатых,
    без различия наций,
всех трудящихся,
    работавших
    и не евших,
и русских,
    и евреев
    зовем подняться.
Помните вы,
    хулиган и погромщик,
помните,
    бежавшие в парижские кабаре, —
вас,
    если надо,
    покроет погромше
стальной оратор,
    дремлющий в кобуре.
А кто,
    по дубовой своей темноте,
не видя
    ни зги впереди,
жидом
    и сегодня бранится,
    на тех
прикрикнем
    и предупредим.

Мы обращаемся

снова и снова

к беспартийным,

комсомольцам,

Россиям,

Америкам,

ко всему

человеческому собранию:

выплюньте

это

омерзительное слово,

выкиньте

с матерщиной и бранью!

ЛОЗУНГИ-РИФМЫ

Десять лет боевых прошло.

Вражий раж
еще не утих.

Может,

скоро

дней эшелон

пылью

всклубит

боевые пути.

Враг наготове.

Битвы грядут.

Учись

шагать

в боевом ряду.

Учись

отражать

атаки газовые,

смерти

в минуту

маску показывая.

Буржуй угрожает.

Кто уймет его?

Умей

управляться

лентой пулеметовой.
Готовится
к штурму
Антанта чортова, —
учись
атакам,
штык повертывая.
Враг разбежится, —
кто погонится?
Гнать золотогонников
учись, конница.
Слышна
у заводов
врага нога нам.
Учись,
товарищ,
владеть наганом.
Не век
стоять
у залива в болотце.
Крепите
советский флот,
краснофлотцы!
Битва не кончена,
только смолкла, —
готовься, комсомолец

и комсомолка.

Сердце

республика

с армией слила,

нету

на свете

тверже сплава.

Красная армия —

наша сила.

Нашей

Красной армии

слава!

СОЛНЕЧНЫЙ ФЛАГ

Первое мая.

Снега доканавши,
солнечный флаг подымай.

Вечно сияй

над республикой нашей,

труд,

мир,

май.

Рдей над Европой

в тюрьмы-коробки
майского

зарева

сноп.

Пар из котлов!

заглушайте топки!

Сталь,

стой,

стоп!

Сегодня

мы

перед тем, как драться,

в просторе улиц

и роц

проверим

по счетам
шагов демонстраций
сил
тыщ
мощь.
В солнце
не плавится
память литая, —
помнит —
чернее, чем грач:
Шли
с палачом
по лачугам Китая,
ночь,
корчь,
плачь.
В жаре колоний
гнет оголенное,
Кровью
плантации мажь.
В красных знаменах
вступайте колонии
к нам
в наш
марш.
Лигою наций

бьются баклуши. —
Внимание, ухо и глаз!
Слушай
антантовских
танков и пушек
гром,
визг,
лязг.
Враг
в открытую
зубья повыломил, —
он
под земною корой.
Шахты расчисть
и с новыми силами
в сто
сил
строй.
В общее зарево
слейтесь миллионы
флагов,
сердец,
глаз!
Чтобы
никто
не отстал утомленный,

нас

нес

класс.

Время,

яму

• буржуям

вырой, —

заступы

дней

подымай.

Время —

зажечь

над республикой мира

труд,

мир,

май.

ДОБУДЬ ВТОРОЙ

Рабочая
    родина родин,
трудом
    непокорным
    гуди!
Мы здесь,
    мы на-страже,
    и орден
привинчен
    к мильонной груди.
Стой,
    миллионный,
назыблемый мол —
Краснознаменный
    гранит — комсомол.
От первых боев
    до последних
мы шли
    без хлебов и без снов,
союз
    восемнадцатилетних
рабоче-крестьянских сынов.
В бой миллионы.
Белых —

в помол!
Краснознаменный
гордись, комсомол!
Довольство
не важное зрелище.
Комсомольский характер
крут.
Комсомолец,
это — застрельщик
в борьбе
за чистку
и труд.
Чтоб веник
миллионный
старое смел —
Краснознаменный,
мети комсомол!
Красным
отчаянным чортом
и в будущих
битвах
крой!
Зажгись
рабочим почетом:
На знамя
орден второй!

С массой
миллионной
сердце само —
Краснознаменный
вперед комсомол!

МАРШ—ОБОРОНА

Семнадцать и двадцать
нам только и лет.

Придется нам драться—
хотим или нет.

Раз!

два!

раз!

два!

Вверх

го-

ло-

ва!

Антантовы цуцки
ждут грызни.

Маршал Пилсудский
шпорой звенит.

Дом,

труд,

хлеб

нив

о-

бо-

ро-

ни!

Дунули газом,
и парень погас.
Эх,

кабы сразу
противогаз!
Раз,

два,
шаг
ляг!

Твер-
же
шаг
в шаг!

Храбрость хвалимую
в сумку положи!
Хитрую химию,
ученый,
даешь!

Гром
рот
ать,
два!

Впе-
ред,
брат-
ва!

Ветром надуло
фабричную гарь.
Орудует Тула ---
советский пушкарь.
Раз!

два!

раз!

два!

Вверх

го-

ло-

ва!

Выглядь да выровни
справильный стакан!
Дисциплинированной
стан у станка.

Дом,

труд,

хлеб

нив

о-

бо-

ро-

ни!

Над пехотинцами
прямо от сохи

взмоет нас птицами
Осоавиахим!
Раз!

два!

шаг

ляг!

Твер-

же

шаг

в шаг!

Войной —

буржуи прутся,

к лету,

к зиме ль

смахнет их революция

с ихних земель.

Гром

рет

ать,

два!

Впе-

ред,

брат-

ва!

СОДЕРЖАНИЕ

Бей белых и зеленых	3
Маруся отравилась	18
Кто он?	29
Фабрика мертвых душ	32
Нагрузка по макушку	37
Гимназист или строитель	41
«Телевоксы»	49
Служака	56
Буржуй-нуво	61
Рассказ литейщика Ивана Козырева	68
«Жид»	73
Лозунги - рифмы	82
Солнечный флаг	85
Добудь второй	89
Марш — Оборона	92

БЕЙ БЕЛЫХ И ЗЕЛЕННЫХ	3
МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ	18
КТО ОН?	29
ФАБРИКА МЕРТВЫХ ДУШ	32
НАГРУЗКА ПО МАКУШКУ	37
ГИМНАЗИСТ ИЛИ СТРОИТЕЛЬ	41
„ТЕЛЕВОКСЫ“	49
СЛУЖАКА	56
БУРЖУЙ-НУВО	61
РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА	68
„ЖИД“	73
ЛОЗУНГИ-РИФМЫ	82
СОЛНЕЧНЫЙ ФЛАГ	85
ДОБУДЬ ВТОРОЙ	89
МАРШ—ОБОРОНА	92